

Я. М. ЗАХЕР.

Русская политика по вопросу о Константинополе и проливах во время Триполитанской войны.

J. M. Sacher. — „Die russische Politik in der Frage über Konstantinopel und seine Meeresengen zur Zeit des Tripolitanischen Krieges“.

Das Hauptziel des russischen Imperialismus nach dem Jahre 1905 bildete das Streben, von Konstantinopel und den Meeresengen Besitz zu ergreifen, oder, zum mindesten, freie Durchfahrt für die russische Kriegsflotte zu erhalten, was laut der Londoner Konvention vom Jahre 1871 nicht zulässig war. Dem 5ten Artikel des 1909 in Rakonigi geschlossenen Italienisch-russischen Vertrages zufolge verpflichteten sich beide Seiten dazu, „dass jede von ihnen sich bestreben würde die Interessen der anderen Seite-Russland die Italiens in Betreff Tripolis und der-Cyrenaika, Italien — die Russlands in der Frage der Durchfahrten, — zu wahren“.

Daraus folgte, dass ein Versuch Italiens Tripoli zu gewinnen von Seiten Russlands den Versuch sich der Meeresengen zu bemächtigen nach sich ziehen musste. Tatsächlich tauchte die Frage über die Meeresengen schon ganz zu Beginn des Tripolitanischen Krieges 1911—1912 auf. Doch nachdem Russland die Zustimmung des Dreibundes zur Eröffnung der Meeresengen für die russische Kriegsflotte erreicht hatte, stiess es auf einen entschiedenen Widerstand Englands, was ein vollkommenes Scheitern des Versuches nach sich zog.

Одним из краеугольных камней русской внешней политики XIX века являлось, как известно, стремление к захвату Константинополя и проливов. Определяя собой всю линию поведения русской дипломатии в самых различных вопросах международной политики¹⁾, стремление это с неослабевающей силой развивалось в течение всего прошлого столетия. Если увлечение дальне-восточными империалистическими планами, характерное для самого конца XIX-го и первых годов XX-го в.в., на время ослабило эту тенденцию, она естественно должна была вспыхнуть с новой силой немедленно после катастрофы 1904—1905 г.г.²⁾ Ближайший же после этой катастрофы европейский кризис — аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины — был

¹⁾ См. ст. М. Н. Покровского „Константинополь“ в сборнике его статей „Внешняя политика“, ст. Ренэ Пинона в сборн. „Проливы“ (изд. „Кр. Новь“, 1924) и ст. П. Н. Милюкова „Константинополь и проливы“ в „Вестнике Европы“ за 1917 г.

²⁾ См. нашу статью „К истории русской политики по вопросу о проливах в период между русско-японской и триполитанской войнами“ в сборнике „Из далекого и близкого прошлого“.

использован русской дипломатией для попытки открыть свободный проход через проливы русских военных судов¹⁾; лишь упорное сопротивление Англии заставило царское правительство отказаться от требования, исполнение коего явилось бы первым шагом по пути осуществления его традиционной задачи. Но, потерпев неудачу в 1908 году, русская дипломатия еще не сочла себя окончательно побежденной: следующий за 1908 г. европейский кризис послужил поводом для нового выступления правительства Николая II с проектом об открытии Босфора и Дарданелл для военных судов прибрежных держав. Этим кризисом была Триполитанская война.

Еще за два года до этой войны — осенью 1909 года — во время свидания Николая II с итальянским королем Виктором-Эммануилом в Ракоиджи, между Россией и Италией было заключено соглашение, согласно ст. 5 которого обе державы обязывались „соблюдать с благожелательством — одна интересы России в вопросе о проливах, другая интересы Италии в Триполитании и Киренаике“²⁾.

Уже самое существование этого соглашения в значительной степени предreshало поведение русской дипломатии в случае итало-турецкой войны из-за Триполи, а то обстоятельство, что внимание Европы было целиком поглощено происходившими в это время франко-германскими переговорами по мароккским делам, должно было во многом облегчить исполнение поставленной себе русским правительством задачи.

Триполитанская война началась 28 сентября (н. ст.) 1911 года, но уже за несколько дней до этого события русская дипломатия, учитывая его неизбежность, открыла кампанию по вопросу о проливах. При этом, по видимому, в прямой связи с английским ответом 1908 г., указывавшим на необходимость предварительного согласия Турции, на этот раз русское правительство, ведя переговоры с великими державами, не оставило в стороне и самого хозяина проливов.

Письмом от 19 сентября (ст. ст.) 1911 года за № 617 Министерство Иностранных Дел предписало послу в Константинополе Н. В. Чарыкову, пользуясь обстоятельствами итало-турецкой войны и франко-германских переговоров о Марокко, приступить к переговорам с турецким правительством по целому ряду вопросов и в частности о проливах, причем по последнему пункту Министерство считало желательным заключить соглашение следующего характера:

„Императорское Правительство обязуется... оказать Османскому Правительству действительную поддержку, чтобы удержать существующее управление Босфорским и Дарданелльским проливами, распространяя ее равным образом на прилегающие территории. В целях облегчить выполнение вышеуказанного условия, Императорское Османское Правительство обязуется со своей стороны не противиться проходу русских военных судов через проливы при условии, если эти суда не будут останавливаться в водах проливов без согласия на то“³⁾.

При всем этом, однако, в упомянутом письме было оговорено, что относительно проливов „мы добиваемся лишь личного, по отношению к нам, обещания Турции не противиться нашим интересам в этом вопросе; возможные же объяснения с другими Державами мы оставляем за собою“. О времени фактической возможности приступить к переговорам, по Высочайшем одобрении, Н. В. Чарыков имел быть

¹⁾ Там же, а также см. „Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 г.г.“. Изд. НКВД, 1922, стр. 529—530.

²⁾ „Материалы по истории франко-русских отношений“, стр. 298.

³⁾ „Материалы по истории франко-русских отношений“. Обзор последних переговоров по вопросу о проливах. Стр. 531.

уведомлен дополнительно. 24 сентября 1911 года Н. В. Чарыков был уведомлен о последовавшем Высочайшем одобрении этих инструкций, и ему предложено приступить к переговорам, „не придавая своему обращению характера резких и бесповоротных настояний“¹⁾).

Получив инструкцию от 19 октября, Н. В. Чарыков 24 сентября обратился в Мин. Иностранных Дел с предложением некоторых редакционных изменений в указанной ему формуле соглашения, а также советовал обещать Турции посредничество России для установления между ней и Балканскими государствами прочных отношений на почве поддержания status quo. Однако, эта мысль встретила решительное сопротивление со стороны Министерства, что и было сообщено Н. В. Чарыкову в телеграмме А. А. Нератова от 27 октября за № 1475²⁾).

30 сентября Н. В. Чарыков сообщил в министерство, что им передано великому визирю Саид-Паше письмо с текстом намеченной декларации, причем к нему добавлен следующий абзац:

„Выполнение такого истолкования конвенции, заключенной в Лондоне 1/13 марта 1871 г., находится в зависимости от предварительного согласия других держав, подписавших вышеупомянутое соглашение“³⁾).

Это изменение, внесенное Н. В. Чарыковым за свой собственный страх и риск, вызвало в Министерстве Иностранных Дел сильное недовольство: телеграммой 9 октября за № 1570 константинопольскому послу было указано, что сделанная им поправка „очень затруднит наши будущие переговоры с другими Державами и недостаточно связывает Турцию на случай осложнения у нас с несогласной Державой“⁴⁾).

8 октября Саид-Паша обещал Н. В. Чарыкову дать ответ через неделю, но обсуждение вопроса в турецких правительственных кругах значительно затянулось: 17 октября Н. В. Чарыков упоминает о двухнедельном сроке, данном Саиду для ответа, а 25 октября Саид сказал, что посол совещается с министрами и требует еще неделю или две для ответа⁵⁾).

Если все изложенные до сих пор переговоры происходили непосредственно между российским послом и великим визирем и носили почти частный характер, то 14 ноября Н. В. Чарыков официально передает турецкому Министру Иностранных Дел Ассим-Бейю текст декларации. Под влиянием полученных им из Петербурга замечаний, заключительный абзац был снова изменен и на этот раз гласил:

„Российское Императорское Правительство и Императорское Оттоманское Правительство с общего согласия доведут до сведения других держав, подписавших Лондонский договор от 1/13 марта 1871 г., о заключении между ними соглашения“⁶⁾).

Однако эта поправка не удовлетворила Министерство, и 23 ноября было обращено внимание Н. В. Чарыкова на „опасность и деликатность редакции этого места“⁷⁾).

„24 ноября Чарыков телеграфирует за № 725, что при первом чтении Министру Иностранных Дел проекта декларации, Ассим-Бей

¹⁾ Там-же, стр. 531.

²⁾ Там-же, стр. 531.

³⁾ Там-же, стр. 533.

⁴⁾ Там-же стр. 532.

⁵⁾ Там-же, стр. 531—532.

⁶⁾ Там-же, стр. 532.

⁷⁾ Там-же, стр. 532.

высказал, что он ставит на первое место ¹⁾ вопрос о проливах и подвергнет его на обсуждение Совета Министров незамедлительно. Он постарается предотвратить предположение, будто Россия предъявляет свои пожелания, пользуясь войной... 26 ноября Чарыков телеграфирует, что Ассим-Бей сказал ему, что Совет Министров еще не обсуждал наших предложений и что он относится очень бережно к сообщению их Совету Министров, дабы не думали, что Россия желает использовать затрtdнения Турции. В виду того, что переговоры вступают, повидимому, в обычную турецкую колею, Чарыков, признавая необходимость давления на Порту, просит разрешения, сообщить текст проекта соглашения французскому и английскому послам (тексты эти не были им сообщены) ²⁾.

Было-бы, однако, неправильно думать, что затеянные русским правительством переговоры с Турцией об открытии проливов для прохода русских военных судов велись совершенно без ведома остальных держав. Напротив, русская дипломатия, начиная переговоры с Турцией, одновременно стала зондировать настроения великих держав: относилось это не только к державам дружественным, но и к государствам враждебного России германского блока.

В отношении самой Германии сделать это было тем более легко, что такие переговоры велись с ней уже не впервые и согласие Германии на открытие проливов было дано еще раньше — так, по крайней мере говорили и посол в Париже А. П. Извольский ³⁾ и сам Николай II, который 22 октября „отмечает, что император Вильгельм в общих чертах говорил давно, что со стороны Германии мы не встретим затруднений при условии мирного разрешения Россией вопроса о проливах. Гинце ⁴⁾ говорил то-же в 1909 году” ⁵⁾.

Мы не имеем точных данных о ходе переговоров с Германией в октябре 1911 года. Весьма вероятно, что начало им было положено в частных беседах русских дипломатов с германскими государственными деятелями; в результате этих частных бесед в первых числах ноября, по возвращении из отпуска, германский посол граф Пурталес заявил, что „Германия еще со времени Бисмарка признает принцип преимущественных интересов России в проливах и не сделает никаких затруднений к разрешению его согласно нашим желаниям, при условии причастности к переговорам” ⁶⁾.

3 ноября эти соображения передаются графу Остен-Сакену ⁷⁾ для сообщения в разговорной форме германскому правительству с выражением надежды, что Германия благоприятно отнесется к намеченным переговорам нашим с Портою. 5 ноября гр. Остен-Сакен сообщает личное мнение Кидерлена ⁸⁾, что у Германии нет интереса

¹⁾ Кроме вопроса о проливах, в декларации затрагивался еще целый ряд других вопросов.

²⁾ „Материалы”, стр. 532.

³⁾ В письме А. А. Нератову от 29 сент./12 окт. А. П. Извольский говорит: „...помнится, что мною было отмечено весьма важное заявление Германии в смысле ее согласия на наши планы, но я совершенно забыл, в какой форме и по какому поводу было сделано это заявление: чуть ли не в телеграмме или письме Императора Вильгельма к Николаю”, а в письме от 27 окт./9 ноября он отмечает, что „насколько могу вспомнить, у нас где-то имеется заявление... Германии по этому вопросу, но я никак не могу восстановить в памяти время и форму этого заявления”. „Материалы”, стр. 122 и 131.

⁴⁾ Флигель-адъютант, член германского посольства, состоявший при особе Николая II в 1909—1911 г.г.

⁵⁾ „Материалы”, стр. 537.

⁶⁾ Там-же, стр. 537.

⁷⁾ Российский посол в Берлине.

⁸⁾ Германский министр иностранных дел в 1910—1912 г.г.

мешать нам при условии согласия Турции. На это граф Остен-Сакен замечает, что нам нужен предварительный отзыв Германии для успешного разговора с турками. 10 ноября граф Остен-Сакен сообщает: „Берлинский кабинет ни в какой мере не препятствует нашим соглашениям с Турцией относительно проливов“¹⁾.

Почти так же, как с Германией, обстояло дело и с ее союзницей — Австро-Венгрией, еще в 1908 г. давшей свое согласие на право прохода через проливы русских военных судов²⁾. Соответственно этому австрийский посол в Турции маркиз Паллавичини заявил 30 октября 1911 года Н. В. Чарыкову, что „Венский кабинет уже высказал свое принципиальное согласие на свободное прохождение русских судов через проливы (в 1908 году)“³⁾. Правда, это заявление Паллавичини не помешало австрийскому премьеру гр. Эрен-талю заявить 6 ноября русскому послу Н. Н. Гирсу, что „Паллавичини говорил от себя, но что он готов обсудить вопрос дружески, хотя и не считает себя связанным обещаниями 1908 г.“⁴⁾. Однако, уже 10 ноября Н. Н. Гирс сообщил, что „австрийскому послу в С.-Петербургe даны инструкции по этому вопросу в смысле признания наших специальных интересов в проливах“⁵⁾.

Значительно проще, нежели с Германией и Австро-Венгрией обстояло дело с третьим членом Тройственного союза — Италией. Заключенное в 1909 г. в Ракопиджи соглашение разрешало вопрос о проливах в положительном для России смысле. Если теперь могла идти речь об отношении Италии к русскому проекту, то лишь в смысле получения от итальянского правительства повторного заявления о своем благожелательном для России расположении. Вот почему А. П. Извольский имел полное основание еще за два дня до официального начала триполитанской войны (13/26 октября 1911 г.) писать А. А. Нератову:

„... Вы конечно вспомните, что в силу заключенного в Ракопиджи соглашения мы обязались не препятствовать свободе действий Италии в Триполи, взамен чего Италия со своей стороны, обещала нам подобное же отношение к нашей политике в проливах. Мне кажется, что мы ни в каком случае не могли бы возражать против выступления Италии по существу Следовало бы во всяком случае, в той или другой форме, заручиться заявлением Италии, что, осуществляя ныне предусмотренные соглашением с нами права свои в Триполи, она продолжает считать себя в будущем связанною по отношению к нам в вопросе о проливах“⁶⁾.

В том же духе высказался 17 сентября (ст. ст.) и посол в Константинополе Н. В. Чарыков⁷⁾.

28 сентября Министерство Иностранных Дел частным письмом предписывает А. П. Извольскому „через Титтони⁸⁾ возбудить в Риме

¹⁾ „Материалы“, стр. 538.

²⁾ В уже цитированном письме к А. А. Нератову от 27 окт./9 ноября 1911 г. А. П. Извольский говорит: „.... что касается Австрии, то после 1908 г. вряд-ли она считает себя формальным образом связанною перед нами в этом вопросе; с другой стороны, раз мы, в конце концов, признали аннексию, она вряд-ли имеет нравственное право не исполнить своего обещания касательно проливов. Напомню Вам, что в письме императора Франца-Иосифа к Государю Императору, во время Боснийского кризиса имеется как бы косвенное подтверждение этого обещания“. „Материалы“, стр. 131.

³⁾ Там-же, стр. 538.

⁴⁾ Там-же, стр. 536.

⁵⁾ Там-же, стр. 538. Поручение это было исполнено около 20 ноября, причем гр. Турн указал на необходимость найти формулу, обеспечивающую Австрию от нападения русского флота.

⁶⁾ „Материалы“, стр. 115—116.

⁷⁾ Там-же, стр. 537.

⁸⁾ Итальянский посол в Париже.

вопрос о закреплении Италией принятых ею на себя в Ракопиджи обязательств относительно признания за Россией свободы действия в вопросе о проливах¹⁾. 26 окт./9 окт. А. П. Извольский пишет А. А. Нератову весьма доверительное письмо следующего содержания:

„Очень радуюсь, что мысль моя об укреплении Итальянского обязательства о проливах встречена Вами сочувственно. Тотчас по получении Вашего письма, я вызвал г-на Титтони на более конкретный разговор и предъявил ему выработанный Вами проект письма Итальянского министра Иностранных Дел на имя Русского министра Иностранных Дел. Г-н Титтони не только согласился с предлагаемой Вами процедурой, но высказал мне, что вышесказанный проект кажется ему вполне приемлемым и что если бы он был Министром Иностранных Дел, он не поколебался бы его подписать; записав под мою диктовку проект письма, он обещал мне либо отвезти его лично в Рим, либо отправить его туда с курьером; он предпочитает первый способ, ибо это дало бы ему возможность словесно изложить королю и г.г. Джюлиитти²⁾ и Сан-Джулиано³⁾ аргументы в пользу исполнения нашего желания. Время его поездки в Рим находится в зависимости от окончания триполитанского кризиса; если же кризис этот затянется, то он изложит вышесказанные аргументы в письменной форме. В обоих случаях он не сомневается в утвердительном ответе Короля и его Министров“⁴⁾.

Но несравненно важнее переговоров с государствами тройственного союза были переговоры России с дружественными державами — Францией и Англией. Что касается первой, в разговорах с ней никаких затруднений предвидеться не могло, тем более, что происходившие в это время франко-германские переговоры о Марокко делали для Франции очень важной поддержку России и естественно располагали ее к предупредительности к последней. Соответственно этому в отправленном 22 октября 1911 г. за № 631 секретном письме Министра Иностранных Дел С. Д. Сазонова А. П. Извольскому, между прочим, говорилось следующее:

„Связанные с Францией определенными отношениями и малозаинтересованные на северо-западе Африки, мы, очевидно, заранее согласимся на то, на чем порешит Франция свои переговоры с Германией. Но это дает нам, как мне кажется, определенные основания надеяться, что и Франция сочтет своей нравственной обязанностью при случае заплатить нам тою же монетою и отказаться заранее от оппозиции или вмешательства в такие вопросы, где Франция менее заинтересована, мы же имеем существенные интересы

Из таких вопросов более определенный характер носят два: вопрос „о проливах“ и вопрос „Манджурский“. Далекие от мысли связывать Францию относительно проливов ныне же какими-либо конкретными обещаниями на определенное будущее, мы считаем, однако, своевременным заручиться согласием нашей союзницы не противиться нашей точке зрения и нашим возможным выступлениям в тот момент, когда мы сочтем нужным приступить в отношении наших вопросов к определенным переговорам и может-быть даже действиям. Я полагаю, что уговору о проливах применительно к формулам, обмененным с Италией в Ракопиджи и имеющим ныне быть более точно определенными, могла бы быть придана форма обмена писем между обоюдными Министрами Иностранных Дел приблизительно в выражениях, изложенных в прилагаемом при сем проекте.....
..... Благоволите при ближайшем случае поставить Правительство Республики в известность об изложенных наших ожиданиях и о ходе разговоров Ваших на эту тему не оставляя меня своевременно своими уведомлениями“⁵⁾.

Приложенный к этому письму текст проекта уговора о проливах гласил: „Франция обязывается рассматривать благожелательно русские интересы в вопросе о Босфорском и Дарданелльском проливах и не препятствовать осуществлению проектов, которые Россия может

1) „Материалы“, стр. 537.

2) Итальянский премьер.

3) Итальянский министр иностранных дел.

4) „Материалы“ стр. 118.

5) Там-же, стр. 115.

иметь в виду относительно названных проливов и территорий, к ним прилегающих¹⁾.

Одновременно с этим Н. В. Чарыков, приступая к переговорам с турецким правительством, предупредил об этом французского посла в Константинополе Бомпара²⁾, результатом чего была следующая телеграмма (28 сентября, № 1455) А. А. Нератова А. П. Извольскому:

„По поручению де-Сельва³⁾ Французский Поверенный в Делах запросил меня о значении объяснений Чарыкова с Бомпаром о проливах. Я ему указал на новое для нас значение проливов, на необходимость обеспечения наших интересов в проливах и на особую важность для нас сохранения в настоящее время турецкого отношения. Признавая желательным установить нашу точку зрения прежде всего перед Французским Правительством, мы обратились через Вас к Парижскому Кабинету с целью ознакомиться с его отношением к вопросу в убеждении, что Франция сочувственно отзовется на наше желание о признании наших особых интересов в вопросе о проливах. Затем уже нам предстоит обсудить вопрос о дальнейшем направлении дела, при чем имелось в виду сперва зондировать Константинопольскую почву при поддержке Франции по частному вопросу о праве прохода русских военных судов через проливы. Поднимать теперь какие либо принципиальные вопросы, связанные с пересмотром трактатов, мы не предполагаем, а лишь стремимся к улучшению нашего фактического положения, не нанося ущерба другим державам. До обращения к последним, мы считаем себя обязанными заручиться полным содействием Франции⁴⁾.

Получив инструкции из Петербурга, А. П. Извольский отправился к де-Сельву для исполнения возложенного на него поручения. Происшедшая при этом беседа излагается в письме русского посла к А. А. Нератову от 28 сент./11 окт. 1911 г.

..... Напомнив ему о неизменно дружеском отношении нашем ко всем назначениям Франции в области Мароккского вопроса и об оказываемой нами Французскому Правительству деятельной дипломатической помощи в настоящих его затруднениях, я высказал, что и мы рассчитываем на внимательное и сочувственное отношение Франции к различным вопросам, в которых она мало заинтересована, мы же имеем существенные интересы. Вслед за сим я изложил ему все затронутые в... письмах Ваших пункты. Начав с наиболее важного и трудного вопроса о „проливах“, я высказал ему, что, хотя мне ничего неизвестно о времени, когда во рос этот может быть нами поднят, мне предписано ныне же обратить на него внимание Французского Правительства. „За последнее время“, сказал я, „в Европе и в особенности в бассейне Средиземного моря произошли весьма существенные политические изменения: Франция утверждает свое владычество над Марокко; Италия приобретает Триполи и Киренаику; Англия укрепляет свое положение в Египте и, как видно из распоряжения о нейтралитете этой страны во время Турецко-Итальянской войны, не стесняется соображениями об юридической принадлежности ее к Османской Империи. Что касается до нас, то, не будучи прямо заинтересованы в этих вопросах и руководствуясь общим характером наших отношений к Франции, Англии и Италии, мы относимся вполне сочувственно ко всем этим действиям и, кроме того, прилагаем самые бескорыстные усилия к тому, чтобы удержать от воинственных выступлений Балканские государства. Но мы обязаны также подумать о собственных наших интересах и о том, чтобы избавиться от наложенных на нас при других обстоятельствах и ныне совершенно устарелых стеснений. Три года тому назад, во время кризиса, вызванного аннексией Боснии и Герцеговины, мы получили от Франции самые определенные уверения, что в вопросе о проливах мы можем рассчитывать на ее сочувствие — но в то время мы добровольно отказались поднять этот вопрос, дабы не осложнять положения и не подвергать опасности всеобщего мира⁵⁾. Мы, конечно, ни минуты не сомневаемся, что и в будущем нам обеспечена сочувственное отношение

¹⁾ Там-же, стр. 535. Таким образом здесь шла речь уже не только о свободе прохода через проливы русских военных судов, но умышленно давалась чрезвычайно растяжимая формула, под которую мог быть подведен полный захват проливов.

²⁾ „Материалы“, стр. 118.

³⁾ Французский министр иностранных дел.

⁴⁾ „Материалы“, стр. 119. Из этой телеграммы ясно видно, что истинные планы русского правительства в это время далеко не ограничивались одним открытием проливов для прохода русских военных судов и что это предложение выставлялось лишь в виде пробного шара.

⁵⁾ На самом деле этот отказ был вовсе не добровольным, а являлся результатом занятой Англией враждебной позиции.

Франции в этом вопросе, тем более, что появление нашего Черноморского флота в Средиземном море может лишь усилить положение французских морских сил в этих водах. Тем не менее, в виду совершающихся на этом театре формальных перемен, нам необходимо озабочиться о таком же формальном закреплении наших прав и интересов. Мы надеемся, поэтому, что Французское Правительство не откажет так или иначе оформить свое отношение к шагам, которые мы найдем нужным рано или поздно предпринять касательно проливов и прилегающей к ним территории".

Г. де-Сельв весьма внимательно меня выслушал и, не входя в ближайшее рассмотрение затронутых мною вопросов, заявил мне, что он самым искренним образом готов обсудить со мною эти вопросы. Он прибавил, что ему уже известно от своего Представителя в Петербурге, что мы озабочены разрешением вопроса о проливах и что он вполне оценивает силу выставленных мною аргументов. Принимая во внимание весьма малое знакомство г. де-Сельва с вопросами внешней политики, я ограничился покуда вышеизложенным общим разговором; через некоторое время я намерен опять вернуться к этой теме и выступить с более конкретными пожеланиями, причем момент для подобного выступления надо будет выбрать в зависимости от хода Франко-Германских переговоров и развития Триполитанского столкновения¹⁾.

Франко-Германские переговоры о Марокко закончились соглашением 22 окт./9 ноября 1911 г. и в тот же день А. П. Извольский обратился к де-Сельву с письмом. Выражая одобрение русского правительства по поводу только что подписанной конвенции, он вместе с тем возвращался к вопросу о проливах, уже затронутому во время предшествующих разговоров.

„В продолжение наших недавних бесед Ваше Превосходительство сооблаговолило подтвердить мне заявления, полученные нами от Французского Правительства во время событий 1908 года и снова уверить меня, что Франция, благосклонно взирая на русские интересы в вопросе о Босфорском и Дарданельском проливах, готова благопритствовать решениям, которые Россия, при случае, может оказаться вынужденной принять по отношению к вышеназванным проливам.

Эти уверения, которые я не преминул довести до сведения моего Правительства, были высоко оценены Его Величеством Императором, моим Августейшим Государем. В заключение предыдущего позволяю себе повторно выразить твердую уверенность о том, что в тот момент, когда Франция, дружественная России и с ней союзная, собирается укрепить на новых и прочных основаниях свое положение в северной Африке, Французское Правительство, которому Императорский Кабинет не переставал оказывать ради этой цели свою самую искреннюю дипломатическую поддержку, готов, в свою очередь, удостовериться, что признает за нами свободу действий в области проливов, равно как и в северном Китае, и не откажет в своем одобрении тем мерам, к каким мы можем быть вынуждены прибегнуть ради ограждения там наших интересов и упрочения нашего положения.

Прося, чтобы Ваше Превосходительство сооблаговолило подтвердить мне, что Правительство Республики согласно с нами по различным вопросам, затронутым в этом письме, я пользуюсь случаем возобновить уверения в моем глубочайшем почтении²⁾

Через несколько дней после письма А. П. Извольский лично отправился к де-Сельву для принесения ему поздравления с благополучным окончанием франко-германских переговоров. Во время завязавшейся беседы министр иностранных дел выразил послу благодарность за помощь России во время переговоров „и присовокупил, что он занят в настоящее время изготовлением такого ответа на мое письмо, который был бы способен дать нам самое положительное удовлетворение“³⁾.

Сравнивая формулировку русских пожеланий в письме Извольского с текстом проекта российского Министерства Иностранных Дел, мы замечаем гораздо большую широту и неопределенность первой по сравнению с последним („признание свободы действий“ вместо „благожелательного рассмотрения“) и изменение это было мотивиро-

¹⁾ „Материалы“, стр. 120—121.

²⁾ Там-же, стр. 129.

³⁾ Письмо А. П. Извольского к А. А. Нератову от 26 окт./8 ноября. „Материалы“, стр. 127.

вано Извольским (в письме к А. А. Нератову от 26 окт./8 ноября) тем, что министерская формулировка могла бы „оказаться впоследствии недостаточной или слишком узкою“ и что „некоторая эластичность редакции при нынешних столь неопределенных обстоятельствах как на ближнем, так и на дальнем Востоке, имеет даже некоторые преимущества“¹⁾. Однако, эта неопределенность испугала французские правительственные круги: А. П. Извольский мог убедиться в этом во время своей беседы с выдающимся французским дипломатом, послом в Петербурге Жоржем Луи.

„Из слов г. Ж. Луи я мог заключить, что здесь несколько опасаются выдать нам обязательство относительно проливов в тех выражениях, которые употреблены мною в заключительной части моего письма; г-на Луи смущает главным образом неопределенность выражения „свобода действий“; он желал бы знать, что именно мы имеем в виду предпринять по отношению к проливам и к какому разрешению связанных с ними вопросов мы стремимся. Я ответил г-ну Ж. Луи, что сказанное выражение употреблено мною именно вследствие его неопределенности, ибо в настоящую минуту невозможно предвидеть, какой оборот примет вопрос о проливах. „Россия“, — сказал я, — „заинтересована в том, чтобы по возможности дольше сохранить существование Турецкой Империи, но при том условии, чтобы с нее были сняты устаревшие и несовместимые с нашими интересами и с нашим достоинством стеснения; поэтому мы прежде всего стремимся к тому, чтобы установить с Турецким Правительством дружеское соглашение по сказанному вопросу. Но если подобное соглашение окажется недостаточным, или если наступит ликвидация турецкого владычества в Европе, то, конечно, изменится и наше отношение к проливам. Подобно тому, как Франция заявила нам текущим летом, что она не может допустить утверждения какой-либо посторонней державы в Марокко, со своей стороны и мы обязаны предупредить Францию, что Россия не может допустить перехода проливов в иные руки кроме русских. Мы, конечно, заранее уверены, что как в первом, так и во втором случае мы встретим со стороны союзной Франции полное сочувствие и поддержку; тем не менее весьма важно оформить отношение Французского Правительства к настоящему вопросу. Насколько я мог заметить, разъяснения мои произвели на г-на Ж. Луи должное впечатление. Он согласился со мною, что весьма полезно заранее выяснить между Россией и Францией отношение обоих Правительств к могущим возникнуть как на близком, так и на дальнем Востоке событиям. Он признал также, что избранный мною путь является наиболее удобным приступом к обмену мыслей по вышесказанным вопросам. Со своей стороны, я еще раз подчеркнул, что письмо мое к г-ну де-Сельву имеет лишь предварительный характер и что если Французское Правительство находит его содержание слишком неопределенным, мы легко можем перейти к более точной формулировке наших пожеланий. В результате, г-н Ж. Луи обещал мне, как только у него будет готов проект ответа, ознакомить меня с его содержанием“²⁾.

Однако беседа А. П. Извольского с Жоржем Луи далеко не разрешила сомнений не только этого последнего, но и самого де-Сельва. Правда, Извольский в письме к А. А. Нератову от 10/23 ноября утверждает:

„Письмо мое к де-Сельву, не предвещая последующего хода. . . . переговоров, возымело то хорошее последствие, что вывело эти два вопроса³⁾ из области общих и бесплодных бесед с Министром, не имеющим никакого представления ни о их важности, ни о их сущности“.

Но это не мешает ему думать:

„Как я заранее предвидел, ответ его на мое письмо вряд ли окажется исчерпывающим и способным дать нам полное удовлетворение. Я считаю вероятным, что Французское Правительство побойится выдать нам безусловное обязательство в смысле признания полной нашей свободы действий в проливах и, ограничившись на первый раз какою-либо неопределенною формулою, попросит нас тоже определить наши пожелания. Подобный ответ, если он окажется для нас недостаточным, дает нам вполне удобный повод перейти к более формальным и подробным переговорам“⁴⁾.

1) Там-же, стр. 126—127.

2) Там-же, стр. 133—134.

3) Т.-е. о проливах и о северном Китае.

4) „Материалы“, стр. 136—137.

Однако, французское правительство не особенно торопилось даже и с таким неопределенным ответом. Проходит две недели ¹⁾, затем почти еще месяц и лишь 4 января (н. с.) 1912 года де-Сельв обращается к Извольскому с письмом, вполне подтверждавшим пессимистические ожидания последнего.

4 ноября Ваше Превосходительство изволили выразить от имени и по распоряжению Российского Правительства уверенность в готовности Франции засвидетельствовать России в некоторых вопросах, особенно интересующих нашу союзницу, столь же благожелательные намерения, как и выраженные Российским Правительством при переговорах и недавнем соглашении относительно Марокко. Вопросы, особенно затронутые в Вашей означенной депеше, связаны, в Европе, с управлением проливами, а в Азии — с положением России в северных областях Китайской Империи. Вообще, я счастлив вновь подтвердить Вашему Превосходительству заявления Французского Правительства в связи с событиями 1908 года относительно удовлетворения, которого Россия, быть может, будет вынуждена добиваться в вопросе о Босфорском проливе и Дарданеллах. Французское Правительство по-прежнему расположено обменяться с Российским Правительством взглядами на этот предмет, если бы новые обстоятельства вызвали необходимость обсуждения вопроса о Проливах ²⁾.

Однако, постигшая его неудача не разочаровала Извольского; в своем письме к С. Д. Сазонову от 27 дек./11 января он попытался представить письмо де-Сельва в качестве частичной победы русской дипломатии.

Обращаясь к анализу письма г. де-Сельва по существу, мне кажется, что оно может быть признано не лишенным значения и цены; в первой своей части оно заключает, под видом фигуры повторения, признание параллельности нашего отношения к интересам Франции в Мароккском вопросе с отношением Франции к нашим интересам в вопросах о проливах и северном Китае. Вслед за сим г. де-Сельв формально подтверждает данные нам Французским Правительством в 1908 году уверения касательно проливов; как известно, в то время уверения эти не были облечены в письменную форму и носили характер обещания со стороны Франции общей поддержки нашей политике по отношению к Босфору и Дарданеллам. Затем выраженная г. де-Сельвом готовность войти с нами в обмен мыслей о проливах дает нам возможность со временем приступить к более подробному выяснению этого вопроса ³⁾.

Анализируя изложенный нами ход переговоров, начатых в 1911 г. русской дипломатией по вопросу о проливах, мы не можем не обратить внимания на одно обстоятельство, могущее на первый взгляд показаться совершенно загадочным. Почему Германия и Австро-Венгрия, один из краеугольных камней внешней политики которых заключался в принципе воспрепятствования проникновению России на Балканы, столь легко и безболезненно согласились на открытие прохода через проливы для русских военных судов? Почему наоборот союзная России и сама мало заинтересованная в данном вопросе Франция боялась дать свое согласие на виды русской дипломатии?

Для понимания того и другого нужно обратиться к позиции государства, о роли которого в переговорах 1911 года мы еще не упоминали, а которое между тем являлось в данном вопросе решающим фактором: мы разумеем, конечно, Англию. Ведь именно Англия в течение всего XIX столетия противилась русским видам на проливы. Если в конце века традиционная русско-английская вражда сменилась все усиливающейся дружбой, она все же не помешала Англии поставить

¹⁾ В письме к А. А. Нератову от 24 ноября/7 дек. А. П. Извольский пишет: „мною все еще не получено ответа на мое письмо о проливах и Китае и я нарочно не тороплю де-Сельва и Жоржа Луи. Раз мое письмо заключало скорее утверждение, нежели вопросы, проволочка в ответе выгодна скорее нам, нежели французам“. „Материалы“, стр. 139.

²⁾ Там-же, стр. 144.

³⁾ Там-же, стр. 145.

в 1908 г. такие условия своего согласия на открытие проливов, которые заставили русскую дипломатию сразу прикусить язык. Правда, после 1908 г. русско-английское сближение продолжало укрепляться, но давало ли оно повод думать, как это делал А. А. Нератов на основании своего разговора с французским поверенным в делах Панафье, что „быть может, в виду наших дружеских отношений с Англией некоторое движение дела (т.-е. вопроса о проливах. Я. З.) в смысле нашего желания было бы осуществимо“? ¹⁾

Ответить на этот вопрос следует безусловно отрицательно. Русско-английское сближение являлось результатом англо-германской вражды; как эта последняя к 1911 г. не была сильна, но у английской дипломатии все еще оставалась надежда на мирное соглашение с Германией (следует помнить, что разрыв, связанный с неудачей переговоров лорда Хольдена, произошел только в следующем, 1912 году). Вот почему у Англии не было оснований (как это было позднее в 1915 г.) жертвовать ради германской опасности своей традиционной политикой страха перед проникновением России на ближний Восток. Это обстоятельство должно было сказаться тем сильнее, до английские политики не могли не понимать, что русское стремление к открытию проливов является лишь первым шагом, за которым последует ряд других, гораздо более опасных для Англии.

При такой позиции Англии, Германия и Австрия могли сколько угодно соглашаться на русские планы (дабы избежать одного отказа), ибо хорошо понимали, что осуществиться им все равно не суждено. Напротив того, Франция, как держава близкая не только России, но и Англии, неизбежно должна была действовать чрезвычайно осторожно.

Последнее обстоятельство было, повидимому, замечено русской дипломатией еще в самом начале переговоров. Уже 28 октября А. А. Нератов, сообщая А. П. Извольскому о разговоре Чарыкова с Бомпаром (о котором мы уже говорили), отмечает:

„Бомпар признал необходимою солидарность Великобритании. Это наводит на мысль, что, быть может, между Францией и Англией существует особый уговор по вопросу о проливах. Если в Ваших переговорах с Французским Правительством возможно осветить эту сторону дела, благоволиите телеграфировать для дальнейших инструкций Чарыкову“ ²⁾.

Ответ на вопрос Нератова был дан в письме А. П. Извольского от 13/26 октября, в котором он, излагая одну из своих бесед с де-Сельвом, говорит:

„Единственная сторона дела, которая его, видимо, озабочивала — это вероятное отношение к нему (к вопросу о проливах Я. З.) Англии. Из его слов я могу заключить, что, хотя между Францией и Англией не существует никакого специального уговора о проливах, он придает большое значение согласованному образу действий между Парижским и Лондонским Кабинетами по этому поводу. . . . Французскому послу в Лондоне поручено осведомиться на этот счет...“ ³⁾.

Мы, к сожалению, не имеем еще документов, рисующих ход русско-английских переговоров по вопросу о проливах. Поэтому приходится ограничиться теми данными, которые имеются в составленной 4 сентября 1912 г. Д. А. Нелидовым и дополненной

¹⁾ „Материалы“, стр. 119.

²⁾ Там-же, стр. 118.

³⁾ Там-же, стр. 124.

Н. А. Базили записке под названием „Обзор последних переговоров по вопросу о проливах в 1911 г.“¹⁾.

„6 октября 1911 г. № 660 сообщается графу Бенкендорфу²⁾, что Н. В. Чарыкову при переговорах о железных дорогах предоставлено расширить le cas échéant рамки переговоров и затронуть щекотливейший из вопросов — о проливах, о чем посол завел речь с Бомпаром и упомянул и Лоудеру³⁾. На случай разговора гр. Бенкендорфу сообщается предыдущая переписка.

Гр. Бенкендорф 10 октября сообщает в ответ разговор с Камбоном⁴⁾, коему сказал Никольсон, что по его убеждению, мнение Англии то же, как и в 1908 г. и что нынешний момент (война Италии с Турцией) неудобен для возбуждения вопроса о проливах.

Гр. Бенкендорф сказал Грею, что мы де желаем, чтобы султан собственной властью объявил свободный проход русских военных судов без задержки. Эта форма была выбрана, чтобы избежать затяжку от пересмотра договоров. Грей ответил, что он согласен дать свою поддержку в Константинополе подобно тому, как сделал это в 1908 г., а что иначе ему нужно справиться с трактатами и сообщить совещанию министров.

11 октября Английский Поверенный в делах сделал устное сообщение по тому же вопросу, что Грей придерживается мнения, что в мирное время проход русских судов возможен при согласии Турции, но что в военное время и, если замешана Россия, нельзя ставить другую воюющую державу в невыгодное положение*⁵⁾.

Итак, уже в середине октября Англия обещала „поддерживать“ стремления России подобно тому, как это было сделано в 1908 г. После такого ответа вопрос по существу был уже решен и Германия с Австро-Венгрией могли с легким сердцем дать свое согласие. Продолжая переговоры после английского ответа, русская дипломатия в сущности уже могла ставить себе только одну задачу — выйти с возможно меньшим уроном для своего самолюбия из создавшегося неловкого положения. Если же Н. В. Чарыков и А. П. Извольский в дальнейшем, как мы уже видели, продолжали усердствовать, то делали это за собственный страх и риск. Вопрос был похоронен уже 11 октября и 20 октября Бенкендорфу было сообщено⁶⁾ для передачи английским дипломатам, что „вообще мы стремимся

¹⁾ Там-же, стр. 528—538.

²⁾ Русский посол в Лондоне.

³⁾ Английский посол в Константинополе.

⁴⁾ Французский посол в Лондоне. Приводим для сравнения перевод сообщенного русскому М-ву Ин. Дел де-Сельвом донесения Камбона от 2 ноября (н. с.) 1911 г. за № 2109:

„В телеграмме из Рима в Лондон Итальянскому послу сообщается, будто г. Чарыков сделал в Константинополе официальное сообщение, требуя свободы проливов для русских военных судов и будю взамен России обещает Турции некоторую гарантию против военных выступлений балканских государств и уступает свое преимущественное право на постройку железнодорожных путей в малоазийских вилайетах, пограничных с Россией.

По этому вопросу маркиз Имперали (итальянский посол в Лондоне Я. З.) запросил сэра А. Никольсона (английский товарищ министра Ин. Дел Я. З.), который ответил, что ничего не знает об официальном заявлении Российского посла в Константинополе: Российский посол в Лондоне не говорил о нем сэру Грею, а г. Нератов ничего не сказал по этому поводу Английскому послу в Петербурге. Сэр А. Никольсон прибавил, что вопрос о проливах может быть урегулирован лишь с согласия держав. Он думает, что дошедшее в Рим известие о русском выступлении относительно Дарданелл, имеет источником недавнюю беседу между г-ном Чарыковым и Великим Визирем. Когда г. Чарыков попытался продолжать эту беседу, Саид Паша попросил его обратиться в Министрство Иностранних Дел: отсюда вывели заключение, что переговоры перестали быть частными, а принимают официальный характер.

„Сэр А. Никольсон повторил мне уверение, уже данное сэром Э. Греем Российскому Послу в Лондоне, относительно решения Англии соблюдать обязательство, данное в 1908 году, г-ну Извольскому. Он также повторил мне, что сказал маркизу Имперали о необходимости участия всех Держав, подписавших Лондонскую Конвенцию, в переговорах о проливах“. „Материалы“, стр. 131—131.

⁵⁾ Там-же, стр. 536—537.

⁶⁾ Там-же, стр. 537.

не к решению вопроса ныне же, а лишь к выяснению могущих представиться условий его решения". А когда 8 декабря турецкое правительство ответило на русские предложения официальным отказом (со ссылкой на договор 1871 г. и Берлинский конгресс), то С. Д. Сазонову не оставалось ничего другого, как в сделанном им в тот же день сообщении сотруднику „Темпс“ заявить, что все разговоры Н. В. Чарыкова с турецкими государственными людьми носили „теоретический и частный“ характер и что он вообще вышел за пределы предоставленных ему полномочий ¹⁾.

¹⁾ По вопросу о дальнейшей русской политике в отношении Константинополя и проливов см. нашу статью „Константинополь и проливы“ в т. т. VI и VII „Красного Архива“.